

Когда я записывала воспоминания Германа Петровича Янсона для его будущей книги «Пируэты на сценах и в жизни», он сказал, что хотел бы быть похоронен на Большеохтинском Георгиевском кладбище. Объясняю ему, что это кладбище старое, и для того, чтобы быть там захороненным, нужны родственные связи. Спрашиваю его, почему именно там. Отвечает: там мама, бабушка, люди, с которыми работал. Говорю: «Уже хорошо. А документы, подтверждающие родство, – свидетельство о рождении; свидетельства о смерти родителей, бабушки – есть?». Выясняется, что этих документов нет. Говорю Герману Петровичу, что их можно восстановить, нужно обратиться в ЗАГС. В феврале 2018 года я с Валентиной Георгиевной (его последней женой) пришли в МФЦ, написали заявление о выдаче повторного свидетельства о рождении Германа Петровича. Через несколько дней пришёл ответ, в нём написано, что на Янсона Германа Петровича рождённого 02.03.1934 года (данные его рождения из паспорта) нет записи..., но есть запись на Янсона Германа Оскаровича 02.03.1933 года рождения. А оказалось, как рассказал мне Герман Петрович, вот что: «Примерно дней через 10 после моего рождения, мама меня пошла записывать. В ЗАГСе мне записали отчество по первому имени отца. Так, первоначально, по документам, я был Оскаровичем. То есть: Янсон Герман Оскарович. При правильном русском языке, у меня должно было быть двойное отчество: Герман Оскар-Петрович Янсон. Но почему-то в ЗАГСе решили по-другому. Во время войны мне было не до точного отчества. Кто же знал, что позже со мной судьба сыграет злую шутку. При восстановлении документов в детском доме, когда комиссия определяла возраст детей, мне поставили 1934 год рождения вместо 1933 года, как я сказал. Они предполо-

жили, что я год себе прибавил. Спрашивали, как зовут моего отца. Его дома всегда называли Петром. Я и сказал: Пётр. Как-то не подумал, что нужно было и первое имя отца назвать – Оскар. Но меня спрашивали, как дома звали отца, а не как по документам. Да и вспомнил бы я такие детали в тот момент? Не знаю, сейчас трудно об этом говорить. Выжить бы, маму найти, домой вернуться, поест вдоволь! Таким образом: у мамы я один единственный сын, а по разным записям свидетельств о рождении – получается – два! Один – Герман Оскарович 1933 года рождения, другой – Герман Петрович, родившийся в 1934 году». Впрочем, это свидетельство не понадобилось, Валентина Георгиевна нашла в документах подлинное свидетельство о рождении.

В пятницу 16 февраля 2018 года мне позвонила Валентина Георгиевна и сказала, что Германа Петровича отвезли по скорой с температурой 39 в Мариинскую больницу с диагнозом – двустороннее воспаление лёгких. От моей помощи она отказалась. 23 февраля договорилась с Валентиной Георгиевной съездить навестить его. Жду у входа через пропускной пункт больницы. Подошла Валентина Георгиевна, поздоровались. Я ей: «В новой одежде Вас не узнать». Прошли со двора в корпус, поднялись на третий этаж в пятиместную палату № 11 с санитарной комнатой. Чисто, условия вполне приемлемые. Герман Петрович лежал под капельницей. Он уже не видел, но слышал нас, мы поговорили. Медсестра сказала, что у него заканчиваются влажные салфетки. Когда я пошла за ними, она тихо прошептала мне: «Вашему дедушке недолго уже осталось».

Года за три до этого Герман Петрович попросил меня съездить с ним на Большеохтенское кладбище. Мы шли к могиле его матери, а он по дороге показывал мне могилы своих учителей. Остановились у могилы А.И. Пушкина. Он сказал мне, что хорошо бы и его похоронить рядом, вроде бы там было место: «Ты запомни, Валентина меня хоронить не будет, ей всё равно, куда меня положат. А я тебя прошу. Это моя последняя воля». Я не удивилась, так как к этому времени разлад в их семье уже был виден невооружённым взглядом – тридцать лет разницы в возрасте, недостаточная пенсия, чтобы достойно содержать молодую жену, он подумывал даже о разводе... Мы с мужем были дружны с Германом Петровичем, он очень помог моей младшей дочери, выбравшей карьеру балерины. Его последняя воля для меня закон. Что делать? На Большеохтенском кладбище уже не хоронят.

Ольга Ивановна Розанова, к которой я обратилась, сказала, что она не занимается кладбищами. Тогда я позвонила Татьяне Михайловне Лестевой. Она посоветовала попросить ходатайство у администрации Мариинского театра или Вагановского училища. Я написала ходатайство с перечислением заслуг Германа Петровича перед петербургской культурой, передала одно секретарю В.А. Гергиева, а второе – Николаю Максимовичу Цискаридзе. «Я ничего не обещаю, но, когда случится, обращайтесь. Если сможем, поможем», – сказал он мне.

Ко дню рождения Германа Петровича – 2 марта – его выписали из больницы. Мы с мужем приехали поздравить его, фактически попрощаться. 9 марта в 9 часов 10 минут мне позвонила Валентина Георгиевна и сказала, что ночью он умер, а у неё нет денег. Мы с мужем приехали домой к Герману Петровичу, оставили Валентине, когда она вернулась со справкой из поликлиники, 20 тысяч на оформление, безвозмездно, конечно. Праздничные дни. Не буду описывать перипетии того, как пришлось «выбивать» место для могилы. Бесконечно благодарна Николаю Максимовичу Цискаридзе, он выполнил своё обещание и написал ходатайство, оставил его на вахте. Я съездила и забрала его.

11 марта в воскресенье в половине одиннадцатого я у ворот Большеохтинского кладбища жду Валентину Георгиевну с оригиналом документов о смерти. Встречаемся. Предлагаю ей показать место, где хотел бы быть захороненным Герман Петрович. То, что с краю от могилы Ивановского, не подходит – места мало. Показываю место наискосок, но там пень, о чём раньше меня предупредили работники кладбища. На всякий случай попросила Валентину Георгиевну показать, где захоронены родители Германа Петровича. Неоднократно бывая с Германом Петровичем на этом кладбище и навещая его педагогов, работников театра имени Кирова, и могилу его бабушки и тёти, мы с ним так и не смогли найти могилу его родителей. Я не знала, а он уже не помнил. Дошли до Единоверческого участка. Валентина Георгиевна: «Где-то здесь, рядом берёза».

Начинаю искать по памятникам фамилию Янсон. И как-то сразу на глаза попадает невысокая, небольшая надгробная плита с фамилией Янсон. Подхожу ближе, нужно прочитать, те ли Янсоны. Читаю, понимая, что это могила родителей Германа Петровича. «Нашла», – кричу я Валентине Георгиевне. Пошли в администрацию кладбища на проспекте Металлистов 5. По дороге рассказываю Валентине Георгиевне, что с начальником уже два дня говорила на повышенных тонах, доказывая необходи-

мось выполнить последнюю волю покойного: заслуженный артист РСФСР, почётный житель города. Поднялись на 2-ой этаж, на приеме у начальника были трое мужчин. Стали ждать своей очереди, наконец, пригласили нас войти. Первой в кабинет вошла Валентина Георгиевна, начальник, не поднимая головы спрашивает: «По какому вопросу?». Увидел меня, поздоровался, кивнув, сказал: «Вы были у меня вчера и позавчера, – и добавил, – документы». Валентина Георгиевна подала оригиналы документов о смерти, я – ходатайство от Академии имени Вагановой, подписанное Цискаридзе Николаем Максимовичем, и подложила к нему ксерокс с фотографиями учеников Германа Петровича из книги: Диана Вишнёва, Юлия Махалина, Фарух Рузиматов, Ульяна Лопаткина, Светлана Захарова... Величайшие артисты балета!

Начальник – Владимир Васильевич кому-то позвонил, сказал: «Человек от Мариинки, сам понимаешь, посмотри...». Ходатайство Цискаридзе помогло! Подошли к могиле бабушки. Владимир Васильевич померил рулеткой. Вердикт: места не хватит. Да, кстати, и Герман Петрович не хотел быть захороненным в могилу бабушки. Пошли к могиле родителей Германа Петровича. Сопровождавший нас рабочий предложил похоронить Германа Петровича не в могилу матери, а рядом – там оказалось свободное место, нужно было только убрать дерево и подсыпать в могилу песок, так как место было низким, сырым. Назвал цену работ, я согласилась их оплатить. Валентина Георгиевна пошла в администрацию оформлять документы, потом зашли в церковь, заказали отпевание.

Прощание с Германом Петровичем происходило 14 марта в 11 часов 15 минут. Герман Петрович дал мне наказ: под одну руку положить сухарики, под другую – очки. Под правую руку кладу красивую коробочку с его очками, расчёску, бритвенный станок и металлические денежки; под левую руку – в красивой пакетишке сухарики с изюмом, какие он любил, немного печений, вафель, и фиников. Вспоминается сентябрь 2017 года: уходя из кухни, он обернулся, погрозил мне пальцем, напоминая: «Ирочка, не забудьте: на Большеохтинском Георгиевском, сухарики и очки!». Я выполнила его последнюю волю.

Герман Петрович! Мы помним Вас и будем помнить всегда! Вы для нас, прежде всего, – честный, чистый своими помыслами, миролюбивый, гениальный, разносторонний, с чувством юмора, большой души человек! Светлая Вам память!

Санкт-Петербург. Апрель 2018 года